

Даже не смотря на тяжёлые повреждения, Галатея осталась быстрой. Лязгающее и неуклюжее существо набросилось на них, рубя передними конечностями и пронзая заканчивавшимися клинками механодендритами. Два кадианца погибли мгновенно, пробитые насквозь в грудь косящими клинками, которые били с силой поршней.

Котов нырнул назад, когда другая конечность метнулась к нему. Лезвие задело край мантии и рассекло ткань с тяжёлой металлической подкладкой, словно бумагу. Жёсткие руки оттащили его назад.

- Отойдите, архимагос, - произнёс Карна, и воин-скитарий встал между Котовым и рубящими клинками Галатеи. - Вы ничего не добьётесь, участвуя в этом бою.

Котов кивнул, а тем временем кадианцы окружили Галатею. Они атаковали её чёрными штыками, а она кружилась и брыкалась, точно боевой конь давно минувших эпох. Котову это напомнило примитивные рисунки древних пещерных жителей, изображавшие охоту на гигантских и живших на равнинах мамонтов.

Пистолет, который он взял на Экснихлио, но так ни разу и не использовал, лежал в руке мёртвым грузом. Он убрал его в кобуру, понимая, что стреляющий механизм не работает.

Тело-марионетка Галатеи свалилось набок, серебряные глаза погасли и стали безжизненными, мозговые колбы на паланкине потрескивали взаимосвязанной деятельностью. Каждая свирепая вспышка заставляла Галатею подёргиваться в неконтролируемых спазмах.

Сердитая статика с рёвом вырывалась из её повреждённых аугмитов.

Сюркуф, Андерс и Чёрный Храмовник сошлись с машинным гибридом лицом к лицу. Вольный торговец двигался с грацией прирождённого фехтовальщика, атакуя только когда появлялась возможность, и отклоняя атаки, а не встречая их. Яэль сражался, сжимая оружие двумя руками, компенсируя недостаток ловкости генетически улучшенными мускулами. Благодаря грубой силе он блокировал каждый сокрушительный удар.

Вен Андерс поднырнул под рассекающей конечностью, но упал на колени с гримасой боли, прижав руку к окровавленной униформе. Галатея воспользовалась слабостью кадианского полковника и со всей силы обрушила конечность вниз.

Клинок пробил позвоночник Андерса, пригвоздив к палубе. Спина полковника выгнулась от боли, но крик оборвался, когда Галатея со злобной радостью повернула конечность.

Сюркуф закричал и ударил мечом с поразительной точностью. Клинок был изготовлен с таким великолепным мастерством, что даже с неактивной силовой ячейкой отрубил конечность Галатеи.

Машинный гибрид пошатнулся, и Яэль, взревев от гнева, врезался плечом в паланкин. Галатея покачнулась назад, потеряв равновесие из-за отрубленной конечности. Мозги вспыхнули активностью, и новый взрыв статики вырвался с воплем из её аугмитов.

Солдаты Андерса с возобновлённой яростью бросились на существо. Механодендриты Галатеи рассекли воздух по широкой дуге и трое кадианцев упали. Кровь и внутренности забрызгали серебристые пластины палубы, и Котов едва не заплакал при виде того, что место логики и понимания стало местом кровопролития и ужаса.

Он посмотрел мимо схватки и снова увидел призрачную фигуру на командном троне, похожую грубое изображение, наложенное на плохо синхронизированный пиктер.

Котов ускорил мыслительные процессы, замедлив восприятие течения времени, пока разум мгновенно расширился до потрясающе разогнанных уровней. Тепловые вентиляционные отверстия вдоль позвоночника выпустили избыточное тепло расширенного познания.

На этот раз изображение стабилизировалось, и он смог узнать его.

Линья Тихон.

Вы и “Сперанца” должны стать единым целым.

Руки Виталия стали липкими от крови. Несмотря на все усилия, рана Авреема Локка отказывалась затягиваться. Рабочие комбинезоны крепостного стали тёмно-красными от живота до лодыжек. Он сжимал подлокотники трона Механикус, дрожал и побледнел от напряжения.

Пальцы Виталия были широко разведены и от каждого протянулись тонкие, как волос нити, которыми он пытался зашить рану. Пока безуспешно. У него был доступ ко всем когда-либо написанным медицинским трактатам, но знание само по себе совершенно отличалось от практического применения этого знания.

– Разве вы не можете остановить кровотечение? – спросил Койн, прислонившийся к основанию трона. Крепостной обмотал прижжённый обрубок запястья промасленными тряпками и прижал к груди. Ему повезёт, если не произойдёт заражения, и он не потеряет всю руку.

– Думаете, я не пытаюсь? – раздражённо ответил Виталий, вздрогнув, когда новая очередь разрядов влетела сквозь выбитые ворота в кузню “Электрус” и отрикошетила внутри. – Это кристаллическое оружие обладает разрушительным эффектом. Оно делает плоть вокруг раны слабой и подверженной быстрому отмиранию. Каждый наложенный мною шов рассасывается несколько секунд спустя.

– Тогда зашивайте быстрее, чтоб вас! – воскликнул Хоук, сидевший на ящике с другой стороны

трона. – Вы что ничего не знаете о медицинской сортировке на поле боя? Если не можете остановить, то, по крайней мере, замедлите. Ави не единственный здесь, кто теряет кровь.

Между двумя крепостными протянулась трубка для переливания крови, и именно она сейчас являлась единственной нитью, которая не давала Авреему Локку умереть. Юлий Хоук добровольно предложил свою кровь ради спасения Авреема, и беглый просмотр штрих-кода на щеке показал, что он являлся универсальным донором. Жест казался благородным, пока Виталий не понял, что Хоук просто хотел убраться с линии огня.

У Виталия всё никак не получалось справиться иглой.

За тронем стоял Исмаил де Ровен, прижавший кончики пальцев руки из плоти к виску Авреема. Бывший сервитор вызывал глубочайшее волнение у Виталия не только самим фактом своего необычного существования, но и тем, что олицетворял и показывал обо всех сервиторах. Кожа Исмаила стала пепельно-серой. Он забирал боль Авреема, и Виталий слишком хорошо знал, каким ужасным бременем это было.

– Пульс замедляется, – произнёс Исмаил. – Кровяное давление опустилось до опасных уровней.

Виталий и сам уже знал это, подключившись благодаря подкожному биомонитору к основным показателями жизнедеятельности Авреема. И прямо сейчас каждый основной показатель состояния организма пациента показывал неизбежное ухудшение. Без обученного врача Авреем Локк умрёт. Этот бой надо было выиграть и выиграть быстро.

Виталий разорвал связь с Авреемом и поднялся. Звуки сражения усилились, когда чувства полностью приспособились к окружению.

– Не дайте ему умереть, – сказал Виталий всем троим мужчинам, окружавшим трон. Ни один из них не ответил, поглощённый собственными бедами.

Виталий поспешил по нефу мимо поющих аколитов, которые сидели на деревянных скамьях, устремив взгляды на святилище храма-кузни. Бритоголовые адепты были соединены с тронем Механикус, но до сих пор оставалось непонятным, была ли в этом какая-то польза.

Он нырнул за баррикаду у входа, который недавно ему было поручено дистанционно защищать. Дверь в кузницу перестала существовать, и подходы к “Электрус” теперь удерживали Расселас Х-42 и немногочисленные протекторы Механикус. Разветвлявшиеся дуги молний шоковых посохов и зелёный огонь освещали широкий молитвенный коридор, окрашивая сражавшихся мерцающим и пульсирующим сиянием.

Подобно спартамцам древности, протекторы сражались с жестокой экономной силой, каждый воин работал в идеальной синхронности со своими товарищами. Они противостояли кристаллическими существами в нерушимом строю, наступая и отступая, как диктовала логика.

Аркофлагеллант не обладал подобной логикой, он являлся безумным берсеркером, некогда бывшим прославленным кардиналом Империи, жажда убийства которого перевесила благочестие. Разумом Виталий всецело понимал правильность и необходимость ритуалов, в результате которых еретиков и проклятых переделывали, дабы отпустить их душам грехи через боль и возобновлённое служение. Но подобное наказание, увиденное наяву, всё равно ужасало.

Он истекал кровью из множества ран, увеличенное накачанное тело покрывал сетчатый узор окровавленных порезов. Плоть блестела от застрявших стеклянных осколков и почернела от ожогов. Одна рука бесполезно свисала, другая стала смертоносным рассекающим клинком. Тело излучало тепло и огромное количество химического тумана. При таком темпе физического истощения он не проживёт и часа.

При таком темпе атаки – никто из них не проживёт.

Собравшись с духом, Виталий подтянул мантию и покинул укрытие. Он побежал из этой части битвы туда, где Хирона Манубия координировала защиту второго входа в “Электрус”. Манубия подключилась к кафедре из меди и дерева, её руки рассекали воздух в загадочных лемнискатных узорах, пока она управляла десятком оружейных систем и выгружала боевой код сражавшимся во втором проходе протекторам.

Виталий положил руку на кафедру и позволил тактильным имплантатам слиться с сетью. Окружение кузни исчезло, когда сознание переместилось за ворота.

Здесь во главе с Тота Мю-32 сражалась полуцентурия протекторов. Кристаллические существа накатывались волна за волной, стремясь пробиться в “Электрус”, и Виталию показалось, что в их действиях появилась какая-то отчаянная спешка. Разветвлявшиеся взрывы зелёного огня заполнили проходы, они опаляли стены или поглощались штормовыми щитами протекторов.

Орудия из дюжины скрытых огневых точек ярко вспыхивали, появляясь, чтобы открыть огонь по нападавшим и исчезая в бронированных укрытиях, прежде чем враг успевал ответить.

Почему он не подумал об этом?

Вслед за яростным штормом зелёного огня началась новая мощная атака, но Тота Мю-32 был готов. Протекторы выставили стену из сомкнутых штормовых щитов и вытянули перед собой шоковые посохи, словно копыя.

Они врезались в кристаллических тварей, пригнувшись и нанося колющие удары. Шоковые посохи выпустили превращавшие кристалл в стекло разряды высокоэнергетических импульсов. Последующие удары раздробили конечности и черепа, и, сокрушив первую волну, протекторы, сохраняя строй, отступили на прежние позиции.

Это был самый упорядоченный способ ведения войны, который когда-либо видел Виталий. Полная противоположность происходящему у другого входа в кузню.

< Хирона, > произнёс Виталий. < Мне нужно поговорить с вами. >

< Если вы не заметили, то я слегка занята. >

< Это важно, > продолжил Виталий, и проверил, что его бинарный код подчеркнул всю важность. Ответ Манубии также содержал бинарные императивы, которые показывали, как мало её волновало то, что он считал “важным”:

< Разве вы не должны сейчас пытаться сохранить жизнь моему протеже? > спросила Манубия, слегка подправляя прицельный ауспик на группе кристаллических чудовищ.

< Несмотря на все усилия Омниссии спасти его, > ответил Виталий. < Несмотря на кровь Хоука и Исмаила, который облегчает боль, он угасает быстрее, чем мы можем поддерживать его. >

< И что вы хотите от меня? > спросила Манубия, выдвинув гравитонную пушку и превратив трёх кристаллических тварей в ровный лист безумного стекла.

< Мы должны остановить эту атаку, > сказал Виталий. < Авреем должен выжить. Линья послала меня сюда для того, чтобы он выжил. >

< Вы хотя бы знаете ради чего? >

< Нет, > ответил Виталий, < но она не стала бы просить, если бы это не было критично и жизненно важно. >

Линья открыла глаза, задыхавшаяся и опустошённая. Оба ощущения являлись всего лишь химическими реакциями на сложную гексаматику, которая потребовалась, чтобы связаться с архимагосом Котовым на раскалённом, как солнце мостике, но от этого не стали менее реальными.

Полуночно-чёрный купол из идеальных геометрических кубов исчез, и на его месте появился любимый купол обозрения Линьи на галерее Кватрии. Меньше, чем остальные, он обладал только простейшим устройством для наблюдения, бесполезным вне пределов планетарной сферы, но, как говорили, некогда принадлежавшим композитору из Ганновера.

По обеим сторонам от неё стояли коллеги-магосы: Сиристте справа, а Гефест слева. Натала уважительно кивнула, и печальное выражение их лиц разбило бы её сердце, если бы осталось, что разбивать.

В самой дальней части купола обозрения стоял адепт в чёрной мантии. Аватар Галатеи в пространстве разумов. Вот только Линья теперь знала о нём больше, не так ли? Он осматривался, словно удивлялся, что оказался здесь.

Линья вспомнила всё то время, когда адепт пытал её, заставив пережить невероятные высоты боли, в само существование которых она раньше просто не смогла бы поверить, и отбросила сомнения. Серебристые глаза аватара потускнели, лишившись бывшего пугающего взгляда.

- Думаете, что можете победить меня? - спросила Галатея.

- Меня? - ответила вопросом на вопрос Линья, шагнув вперёд. - Больше не называете себя во множественном числе?

- В маскараде больше нет смысла.

- Это так, тогда я буду обращаться к вам "Телок".

- Лучше "архимагос", - поправила фигура в чёрной мантии. - В конце концов, я заслужил это звание.

- Вы отказались от него, забыв идеалы вашего ордена.

- Забыв их? Нет, я, наконец, смог постичь их.

- Вы больше не Механикус, архимагос, и всё подошло к концу.

Адепт рассмеялся:

- Подошло к концу? Думаю, вы забыли, что всё ещё находитесь в моей нейроматрице. И если вы полагаете, что перенесённые вами пытки были мучительными, то поверьте мне, у меня найдётся ещё много гораздо ужаснее. Ваш забавный маленький код держал вас за пределами моей досягаемости некоторое время, но осталось совсем недолго.

- Он уже успел сделать то, что требовалось, - сказала Линья.

- О чём вы?

- Посмотрите вокруг, это больше не ваша нейроматрица. Она моя. Посмотрите, как всё вокруг сияет реальной памятью, а не украденными мыслями, сформированными из воссозданной памяти.

Адепт в чёрной мантии внезапно осознал грозящую ему опасность и полетел к Линье, его силуэт рос, притягивая к себе тени. Широкие крылья, как у летучей мыши, вырвались из спины адепта, перед нею сформировался поглотивший Клейнхенца инфодемон.

Линья улыбнулась и подняла руки ладонями вверх.

Инфодемон резко остановился, словно во что-то врезался, и завис в воздухе.

Она развела руки в стороны, как если бы открывала шторы, и инфодемон взорвался облаком пепла из идеальных кубических хлопьев. Они исчезли, как потухшие тлеющие угольки, оставив перед нею распластавшегося на полу адепта в мантии.

- Я же говорила вам, - произнесла Линья. - Это - моя нейроматрица.

Линья шагнула к нему, и адепт пополз от неё на четвереньках. Он поднялся на колени и умоляюще вытянул руки. Она видела его страх. Он прекрасно знал, какие ужасные вещи она могла с ним сделать.

Но Линья не была склонна к пыткам или мести.

Вместо этого она повернулась к коллегам-магосам и сказала:

- Пора.

Они согласно кивнули и магос Сиристте ответила:

- Казнь внедрённым кодом будет необратимее и беспощаднее.

- Я знаю, но так будет лучше, - произнесла Линья и открыла последнюю гексаматическую перегородку в разуме. Алгоритмы активации убийственного кода заполнили её сознание. Они слились с уже выпущенными бинарными последовательностями, и стали абсолютно смертельными для электрической активности мозга.

Убийственный код рос и воспроизводился.

Он разрушал.

Он глубоко проник в магоса Гефеста и почтенный технотеософ первым почувствовал его эффект. Он склонил голову и исчез, когда вплетённый в единую нейронную сеть внедрённый убийственный код вступил в силу. Линья ощутила, как Гефест умер, и аватар Телока закричал, когда отсекали часть его эвристической нейроматрицы.

Убийственный код уничтожил магоса Наталу. Затем Тксему, затем Хиво.

С каждым умершим мозгом аватар Телока выл от потери и бился в конвульсиях, словно

сумасшедший на полированном полу террасы купола обозрения. Один за другим пленённые магосы исчезли, пока не остались только Линья и аватар Телока.

Она переживала каждую потерю и пыталась сдержать ненависть к мерзкой съёжившейся твари, которая корчилась перед ней, словно червяк на крючке. Она опустилась на колени рядом с аватаром. Лишившись гештальт-сознания, он стал немногим больше, чем наделённым чувствами проводником данных, отрезанной частью гораздо большего разума.

Он был почти жалок.

Почти.

– Убейте меня и покончим с этим, – произнёс аватар.

– Нет, – ответила Линья. – Мне ещё нужно, чтобы вы кое-что для меня сделали.

Так много смертей...

Бьеланна почувствовала, как умер последний из её сородичей.

Кристаллиты разорвали их на части, возможно, поняв, что она пыталась сделать. Их сила теперь наполняла её и Бьеланна ощущала, как духи движутся внутри стремительно кристаллизующейся плоти. Быстрое сжатие и растягивание смертельных спазмов Экснихлио наполнило её невероятной мощью, но и швырнуло навстречу возможной судьбе всех ясновидцев.

Всё произошло со скоростью сверхбыстрого шокового обледенения.

Не обрести ей покоя в куполе КристальныхПровидцев.

Они окружили её, их ограниченное сознание не справлялось с обработкой этой новой переменной. Им велели убить существ из плоти и крови, и они исполнили приказ.

Плоть Бьеланны стала холодной и твёрдой, столь же гладкой и отражающей, как и у кристаллитов. Внутри ярко пылали духи сородичей-эльдаров и её собственная душа. Она взяла эту энергию и сплела вокруг выпущенной Дыханием Богов мощи. Энергия сверхновой звезды сжалась в чистую форму мысли и экспрессии.

Бьеланна лишилась тела из плоти и крови, но она больше не нуждалась в нём. Только один мир звал её, место грёз и радости, где прошлое и будущее переплетались, и раскрывалась судьба всего сущего.

Куда неизбежно вёл Путь Провидца.

Бьеланна покинула свою смертную оболочку и устремила дух в пряжу. Освободившись от телесных ограничений, она видела больше, чем когда-либо прежде и с недоступной для живых существ ясностью.

Теперь Экснихлио казался одиноким атомом, который располагался не на своём месте в структуре огромного кристалла. Любая приложенная к кристаллу сила неизменно концентрировалась на этом атоме. Скоро ещё один атом окажется не на месте, затем ещё один и ещё.

Вот благодаря какому процессу появились трещины во вселенной.

И едва появившись, они начали распространяться.

Как ножницы, разрезавшие ткань.

Но если этот атом удалить из решётки...

Ещё один кадианец погиб, когда Галатея насквозь пронзила его грудь резким ударом механодендритов. Она отшвырнула тело несчастного через мостик, как тряпичную куклу, и переключила внимание на сержанта Рея. Котов в замедленном движении видел, как конечность с клинком, не задев кость, пробила бедро и приколола кадианца к месту, а тем временем извивавшийся механодендрит взвился, словно жало.

К его чести, Рей не дрогнул, а вскинул бесполезное лазерное ружьё в тщетной попытке парировать новый удар.

– Давай, ублюдок! – крикнул кадианец.

Удар так и не был нанесён.

Большой эпилептический припадок сотряс тело Галатеи, её паланкин задрожал, точно готовый в любую секунду взорваться двигатель. Пригвоздившая Рея к палубе конечность выскользнула из раны, и Галатея издала такой пронзительный и полный боли бинарный вопль, что он вывел Котова из состояния расширенного познания. Восприятие потока времени вернулось к нормальному режиму работы, и мир сразу же стал медленным.

Телок покачнулся, словно разрушавшая Галатею боль каким-то образом вонзилась и в его сердце. Учитывая известное Котову о симбиозе между Телоком и Галатеей, возможно, так и было.

Злой алый свет пронёсся вокруг паланкина, перескакивая от одной мозговой колбы к другой. Биогель внутри мгновенно помутнел, как застойная вода в отстойнике. Котов прослужил два десятилетия на борту боевой машины Темпестус и видел явные признаки амниотической смерти.

Только один мозг избежал массовой гибели, и архимагос сразу понял, кому он принадлежал. В сочетании со спектральным посещением, которое он совсем недавно видел, Котов теперь точно знал, что должен делать.

Ноги Галатеи подогнулись, и покосившееся тело рухнуло на палубу с громким металлическим лязгом. Тело-марионетка завалилось вперёд, чёрный инфоток химических веществ хлынул из внезапно отказавших биомеханических органов.

Каданцы отступили, опасаясь какой-то уловки, но Яэль мгновенно бросился на Галатею. Он не стал зря тратить время, и, сжимая меч двумя руками, начал наносить мощные удары сверху, словно молотобоец по наковальне. Секунду спустя к нему присоединился Сюркуф, его калтанский клинок оставлял ужасные раны на облачённом в мантию теле Галатеи.

- Не повредите мозги! - крикнул Котов.

Если Линья Тихон и в самом деле убивала Галатею изнутри, то возможно оставался шанс извлечь её из утробы твари. Насколько жестокой шуткой судьбы стало бы для неё, что месть за увечья обернулась бы собственной гибелью?

И в этот момент Телок атаковал.

Его тело из металла и кристалла запульсировало тёмно-красным и багровым светом. Шлейфы обжигающих газов вырвались из вентиляционных отверстий, а слащавое искусственное лицо исказилось от ярости. Неистовыми взмахами когтей он превратил кадианских солдат в фарш, буквально измельчив их.

Восстановивший древнюю машину давно умершей расы галактических инженеров архимагос исчез. Осталось только воющее существо-берсеркер, заглушавшее горе и боль в резне.

Лучшего шанса Котову больше не представится.

- За мной, - крикнул он. - Вашими жизнями или смертями помогите мне добраться до командного трона.

Котов бросился мимо бойни, скользя на растекавшемся по палубе кровавом озере. Он отбросил все мысли и сосредоточился только на том, чтобы вернуться на место, которое занимал раньше.

- Котов! - взревел Телок.

Он едва не повернулся от звука своего имени.

Едва не застыл из-за яростных символов власти, которые не уступали его собственным.

- Двигайтесь! - крикнул Карна, толкая его вперёд.

Котов не видел, как погиб воин-скитарий, но почувствовал, что смерть отразилась в ноосфере, и одновременно его окатил фонтан крови. Второй скитарий, имя которого он так не потрудился загрузить, погиб секунду спустя, разорванный пополам в поясе.

Котов продолжил бежать. Громкие шаги за спиной раздавались всё ближе.

Он не смел оглянуться. Он ощутил горячее мёртвое дыхание. Кристаллические когти устремились вниз, чтобы разрубить его на куски.

В этот момент появились Яэль и Сюркуф.

Вольного торговца просто впечатали в палубу, ему нечего было противопоставить огромной мощи Телока. Только у Яэля хватило сил принять удар, генетически улучшенное тело смогло сравниться с отвратительными кристаллическими усовершенствованиями Телока.

И всё же он отлетел назад, пластины брони Храмовника потрескались, а кости рук сломались.

Это была глупая попытка, последний акт отчаявшихся людей, которым нечего было терять.

Но этого оказалось достаточно.

Котов рухнул на командный трон "Сперанцы", и ударил руками по тактильным соединителям, на которых ещё оставались следы расплавленного металла и плоти.

Телок навис над ним, его нечеловеческие черты лица лишились последних признаков здравомыслия. Он замахнулся рукой с когтями, на которых мерцала кровь бесчисленных невинных жертв. Смертоносные энергии Экснихлио горели вдоль каждого клинка.

Когти Телока пробили грудь Котова и трон.

Тактильные имплантаты вспыхнули. Золотой свет, сопровождавший рождение всех машин, вонзился в череп Котова.

Соединение было установлено, связь – подключена.

Подобно исполинской приливной волне, абсолютный дух “Сперанцы” поднялся, поглотив Котова и Телока.

И не только “Сперанцы”.

Я уже был здесь.

Это стало первой мыслью Котова, когда он увидел раскинувшееся перед ним неоновое-яркое инфопространство “Сперанцы”.

Второй стало:

Я должен быть мёртв.

Он помнил сокрушительный удар ужасной силы, когда коготь Телока пробил его грудь. По большей части тело Котова было автоматизированным, но сохранилось достаточно элементов нервной и сердечно-сосудистой систем, чтобы сделать такое повреждение с очень высокой вероятностью смертельным.

Перед ним располагался сверкающий мегаполис, поток информации, формировавший скрытые артерии “Сперанцы”. Повсюду виднелись напоминавшие горы улыи света и огромные термитники накопленных данных. Магматические утёсы контекстуально связанных информационных хабов перерастали во фрактальные лабиринты ответов, которые вели к ещё большему количеству вопросов.

Инфоядра пылали в созвездиях соединённых нейронных сетей, словно новорождённые солнца. “Сперанца” находилась в постоянном диалоге сама с собой, обучаясь и развиваясь с каждым новым решением.

Эвристика в самом чистом значении этого слова.

Любая парадигма масштабируемого времени, начиная от космического дня и заканчивая сжатием универсальной истории до одного часа, была абсолютно неспособна охватить бесконечный объём инфопространства. Его тайны возвращались к вырубленным из обнажённых рекой скальных пород первым каменным инструментам, и одновременно простирались в точку Омеги, Логос и Гипарксис.

И при всём том, что этот аспект “Сперанцы” являлся местом знания и понимания, он также состоял из одних метафор, намёков и сводившего с ума символизма.

Магистралаи света было достаточно легко интерпретировать, но что за огромные змеиные кольца извивались и оборачивались вокруг мира, а затем возвращались и поглощали сами себя? Что за соединявшиеся спирали света, расходящиеся подобно ветвям гигантского дерева, корни которого глубоко уходили в инфопространство?

Он вообще реально всё это видел или его гоминидный мозг просто интерпретировал неизвестное таким образом, чтобы он мог обработать увиденное?

Он посмотрел вниз (если понятие низ можно применить к бесконечным пространствам мысли) и ему стало ясно, какими глупыми и наивным являлись его слова, когда он называл себя хозяином "Сперанцы".

Знание не было чем-то, на что можно предъявлять права, оно существовало для всех, кто обладал мудростью найти его, ибо, только приняв собственное невежество можно было заполнить пустоту. Это казалось настоящим откровением, но Котов подозревал, что это была древняя мудрость, которую он и его орден давно забыли.

< Как низко мы пали, > произнёс он, смиренный и испытывая благоговение от невероятного зрелища. < И всё же, как высоко мы можем подняться. >

< Всего лишь слова афинского каменотёса? Я ожидал большего от человека, который добрался до Экснихлио. >

Котов повернулся и увидел парившего над инфопространством Телока, но не чудовищное существо, которым он стал, а магоса, которым он некогда был. Его мантия была чёрной, а оптика блестела серебром. Сходство с Галатеей оказалось настолько поразительным, что Котов задался вопросом, почему не увидел этого раньше.

< Старая истина, но всё ещё универсальная, > ответил Котов.

< Банальность, повторяемая теми, кто стремится оправдать собственное невежество, > сказал Телок, кружа вокруг Котова, словно преследующий хищник. Потерянный Магос окинул взглядом бесконечный пейзаж, и Котов почувствовал его страстное стремление обладать всем этим.

< Галатея сделала хороший выбор, направив ко мне этот корабль, > произнёс Телок.

< Возможно, даже слишком хороший, > сказал Котов. < Её паразитическое прикосновение больше не сжимает основные системы. Даже если вы убьёте всех на борту – вы не сможете завладеть этим кораблём. >

< Убью всех на борту? > спросил Телок. < Оригинальная идея, пожалуй, я так и сделаю. >

< Я остановлю вас. >

< Как? У вас нет тела – я его уничтожил. >

< У меня есть и другие, но даже если моя физическая оболочка нефункциональна, я могу остановить вас здесь. >

< У вас нет здесь власти, Котов, > усмехнулся Телок. < Вы больше не хозяин этого корабля. >

< Я никогда им и не был, как я теперь вижу. Но и вы тоже. >

< Я им стану. >

Котов рассмеялся:

< Значит, вы настолько же заблуждаетесь насколько и безумны. >

< Тогда покончим с этим, архимагос? Воспользуемся ли мы нашим разумом, как оружием, а знанием, как силой? Только будет справедливым предупредить вас, что вы, к сожалению, безоружны для такого боя. У меня перед вами преимущество в тысячи лет. >

< Ваши знания велики, > согласился Котов, почувствовав присутствие двух человек, которое он уже ощутил, когда “Сперанца” притягивала его. < Но у меня есть то, чего нет у вас. >

< И что же это? >

< У меня есть союзники, > произнёс Котов, и в этот момент рядом с ним появились сверкающие инфоформы Линья Тихон и Авреема Локка.

Являвшийся ранее проклятием для Котова, Авреем Локк мерцал, словно искажённая голограмма, очертания крепостного выглядели размытыми в тех местах, где пятнышки тьмы улетучивались из его тела, точно пепел от сожжённого трупа. Линья Тихон восстановилась, её кожа снова стала безупречной и здоровой, избавившись от всех повреждений, причинённых пламенем “Амарока” и увечьями Галатеи. Она повернулась к Котову, и ему показалось, что из её глаз на него смотрит множество находившихся в постоянном движении духов.

< Союзники? > рассмеялся Телок. < Мертвец и призрак? >

< Я убила Галатею, > заметила Линья. < Я хочу, чтобы вы знали это. И та ваша часть, что осталась внутри? Угадайте, что она делает прямо сейчас? >

Телок пожал плечами, словно ответ его не интересовал:

< Кричит, скорее всего, но это не важно. Я жил без этой части сознания тысячи лет. Уничтожьте её, пытайте, делайте, что хотите. Меня это не волнует. >

< Будет волновать, > пообещала Линья.

Телок вздохнул, но это было только отвлекающим манёвром.

Он бросился на Котова быстрее мысли.

Физические законы здесь не действовали, только воображение. Раненый Котов устремился вниз сквозь слои данных, сияющая информация скользила мимо него быстрее скорости света. Телок последовал за ним, конструируя математические доказательства кривизны пространства-времени, чтобы увеличить скорость. Котов вёл его среди каньонов баз данных, куда поступала и откуда уходила информация в параллельных потоках инфоплотного света. Чувство движения и скорость опьяняли.

Авреем и Линья закружились вокруг Телока в двойной спирали. Линья вцепилась в эмпирическую броню Телока, отрывая её в виде длинных последовательностей булевых записей. Гексаматические клинки, от которых у Телока не было защиты, вонзились в Потерянного Магоса.

Древняя неизвестная Механикус технология отшвырнула Линью, когда Телок пустил в ход свой огромный интеллект. Авреем подлетел ближе и золотой огонь, который выжиг мерзкие пути Галатеи вокруг систем “Сперанцы”, опалил очертания Телока.

Телок взвыл от гнева, когда сгорели защищавшие его щиты логарифмической сложности. Он воспользовался непостижимыми для разума Авреема нанотехнологиями и крепостной отлетел, вращаясь в воздухе.

< Знание – сила, > проревел Телок, и метнул иссушающие разряды холодной логики в Котова.
< Они называют это первым кредо, но они ошибаются. Знание – это только начало. Сила лежит в применении знания. >

Котов увернулся от огня Телока, поднялся над каньонами баз данных и начал кружить вокруг высоченной колонны машинных ядер, которые выполняли невероятные вычисления для нарушения барьеров варпа.

< Знание – сила, > произнёс Котов, уклоняясь от непрерывных обжигающих разрядов Телока.
< Это – первое кредо. Это – единственное кредо. Понять эту фундаментальную концепцию – означает овладеть неограниченной силой. >

Он вытянул перед собой руки, и сверкающий щит чистой логики отразил атаки на самого атаковавшего. Телок взревел от боли, и два архимагоса сошлись во взрыве фрактального света. Они кружились вокруг инфоядра машины и купались в её изумительных нелинейных решениях, расходились и сходились снова и снова.

Боги данных и знания, чья мудрость давала им силу.

Всё, что они изучили, и всё, что они исследовали. Каждое воззрение, каждое проявление чуда. Всё преобразовалось в убийственные мысли. Цепи накопленного знания рвали эфирные тела, слова стали оружием, цифры – боеприпасами.

Они падали сквозь инфопространство, погружались в сердце жарких, как солнце инфоядер, появлялись в потоках света, притягивая их в свою смертельную схватку. Сражение оставляло пылающий след в сердце “Сперанцы”, пока они кружили вокруг друг друга, словно пойманные гравитацией кометы, неразрывно связанные и приближавшиеся к взаимному уничтожению.

Они бились, словно соперничающие за доминирование два альфа-самца.

И как говорили ещё алхимики Старой Земли: “то, что внизу, аналогично тому, чтоверху”. Повсюду где они сражались “Сперанца” содрогалась в сочувствующих муках.

В испытательных зонах левого борта без предупреждения активировались все экспериментальные оружейные системы, пробив в корпусе трёхсотметровую брешь.

В подфюзеляжном химическом хранилище запустился обратный цикл смешиваемых пропорций, что привело к созданию смертельного биотоксина, которому помешало попасть в системы вентиляции корабля вмешательство неизвестного лексмеханика в самый последний момент.

Храмы-кузны, алфавитно-цифровые обозначения которых содержали пакет данных 00101010, стёрли свои библиотеки, превратив тысячелетия накопленного знания в пыль.

По всей “Сперанце” сопутствующий ущерб от их битвы разрывал ковчег на части.

Линья и Авреем следовали за опустошением, едва поспевая за двумя сражавшимися богами. Хотя они обладали собственными уникальными талантами, ни у одного из них не было накопленной мудрости и опыта архимагоса Адептус Механикус.

Наконец, устав и использовав самые выдающиеся проявления своего гения, Телок и Котов расцепились над глубоким инфоядром расплавленного золота. Оба истекали ярким, как ртуть светом, а пепельные воспоминания о некогда известных вещах осыпались с них, словно могильная пыль.

< Вам не победить, > произнёс Телок, чья чёрная мантия превратилась в лохмотья.

< Как и вам, > ответил Котов, чувствуя, что слабеет с каждым словом.

Линья и Авреем, наконец, догнали Котова и Телока, встав в мёртвом пространстве между двумя архимагосами.

< Никому из вас не победить, > сказала Линья.

< Вы уничтожите друг друга, > добавил Авреем.

< И мы не можем этого допустить, > произнесли они вместе.

Линья бросилась к Телоку, а Авреем к Котову.

Оба ударили одновременно, и Котов почувствовал, как сам дух благословенного Машиной Авреема Локка сливается с каждой его частичкой. Он почувствовал, как его тело преобразовывалось, а восприятие выворачивалось наизнанку. Жёсткая логика и разум настолько объединились с интуицией и нелинейным мышлением, как он никогда не мог и представить.

Котов огляделся и понял, что тот же самый процесс происходил и внутри Телока, пока Линья Тихон объединялась с самой его сущностью.

Но если союз духов сказался на Котове благоприятно, то для Телока всё обернулось прямо обратным. Его внутреннее устройство обнажилось, точно лежавший на верстаке часовой механизм автомата, и Котов немедленно увидел почему. Линья Тихон была не просто Линьей Тихон, но воинством духов мстительных техножрецов.

Каждый из которых нёс в себе смертоносный гексаматический убийственный код.

Телок взвыл, когда код активировался, вирусный огонь, против которого у него не было защиты. Код разорял его системы, ежесекундно стирая десятилетия накопленных знаний. Постоянно развиваясь в самореплицирующихся решётках, убийственный код перемещался от системы к системе по внутренней архитектуре Телока.

Он уничтожал всё, чего касался, превращая огромные базы данных в воющую бинарную чепуху и перерабатывая накопленные за века знания в бесполезный шум.

Телок корчился, пока вирусный пожар сжигал его заживо изнутри. Его крики были криками человека, который чувствовал, как методично разрывали саму его сущность.

Но Телок был архимагосом Адептус Механикус, и прямо на глазах Котова он приспособливался, удалял и переписывал свою внутреннюю структуру, останавливая злокачественное распространение убийственного кода.

Пора, архимагос Котов, произнёс внутри голос.

Локк.

У вас теперь есть сила благословлённого Машиной. Используйте её.

Котов протянул руки к расплавленному золоту инфоядра, и ощутил, как внутри него пришла в движение неизвестная энергия. Это была сила, но такой силы он не знал никогда. Сила как у первых бинарных святых, которые, как говорили, могли общаться с машинами на равных. Идти с ними, словно боги на уровнях Акаши на пути к Сингулярности.

Котов зачерпнул свет инфоядра.

И душа “Сперанцы” хлынула в него.

В глазах Котова вспыхнули пылающие диски золотого света, тайный огонь, о котором ведали только солнца, искра, которая зажгла вселенную. От начала до конца он знал всё.

Всё.

Сверкающая броня из золота и серебра сомкнулась вокруг Котова, доспехи столь же сложные и богато украшенные, какие носили легендарные примархи или даже сам Император.

Огненный меч появился в его руке, рукоять и крылатые крестовины образовывали двуглавого орла из ослепительного золота.

Чистое знание, вооружённая мудрость.

Телок корчился, почти очистившись от убийственного вируса.

От кода практически ничего не осталось, но он сделал то, что хотела Линья – лишил Телока широких полос бронированного знания.

< Горе тебе, человек, который не почитает Омниссию, ибо невежество станет твоей гибелью! > произнёс Котов.

И погрузил пылающий меч в сердце Телока.

Глоссарий:

Binary Saint – бинарный святой

Dataform – инфоформа

techno-theosopher – технотеософ

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660325>